

характеризуют друг друга — и это, в свою очередь, является их собственной отраженной характеристикой. У второстепенных персонажей она выступает как злословие светских бездельников и сплетниц, как оборотная сторона их притворной учтивости и напускной любезности, у главного героя — Альсеста — как благородный обличительный пафос, утверждающий подлинную правду и искренность человеческих отношений.

Обобщенные морально-философские положения в монологах Альсеста конкретизируются и подтверждаются, с одной стороны, наглядно — поведением других, осуждаемых им персонажей, с другой стороны, той оценкой, которую сами эти персонажи дают друг другу. По сравнению с «Критикой на Школу жен» и «Версальским экспромтом», где прямая характеристика дается обнаженно, устами резонера или от имени самого автора, метод «словесного портрета» заметно осложняется и углубляется. Тем самым меняются функция и место резонера.

Это уже не служебная фигура, не сторонний наблюдатель, стоящий вне действия и лишенный самостоятельной морально-психологической характеристики (как, например, в «Школе жен» или «Тартюфе»). Это и не персонаж, «резонерствующий» эпизодически, как в «Дон-Жуане». Резонер становится центральным драматическим характером пьесы, ее «моральной темой».

Вместе с тем функции резонера выполняет в некотором роде также основной антагонист Альсеста Филит: в связи с характеристиками Альсеста он высказывает прямо противоположные суждения, через которые косвенно раскрывается его собственный моральный облик.

Ни в одной пьесе Мольера авторская позиция не выступает в такой осложненной форме, как в «Мизантропе», и ни один из его персонажей не подвергался такому упрощенно-биографическому истолкованию, как образ Альсеста, зачастую полностью отождествлявшийся исследователями с самим Мольером. Наряду с этим мы столь же часто сталкиваемся в критической литературе с безоговорочной апологией Филита как выразителя авторской точки зрения.¹¹ В «Мизантропе» достигается наиболее полное органическое слияние «публицистического» и образного моментов, синтез прямой и отраженной характеристик, отвлеченной социально-этической проблемы и тщательно разработанного психологического портрета.

¹¹ Эта, по нашему мнению, ошибочная концепция нашла свое отражение и в «Истории зарубежных литератур XVII века» С. Д. Артамонова и Р. М. Самарина (М., 1958, стр. 211—217).